

«Творческие люди опасны, они отвлекают от телевизора»

Мама Александры Скочиленко была вынуждена уехать из России ровно в тот момент, когда против дочери возбудили уголовное дело

15:22, 18 ноября 2023,

Нина Петлянова, Алексей Душутин

За ходом предварительного следствия и за судебным процессом Надежда Скочиленко следила из Парижа. После вынесения приговора «Новая» поговорила с мамой Саши.

Надежда Скочиленко. Фото: семейный архив

— Как для вас начиналось дело дочери? Когда и как вы узнали о ее задержании?

— О том, что Сашу задержали, я узнала сразу, от Леша Белозерова (друг Александры Скочиленко. — Н. П.). Он просто сказал: «Сашу забрали». Я сначала подумала, что это такой же арест, как за административные дела, потому что дочку и в начале ***** забирали с митинга. Для меня сначала это не было так страшно. Я знала, как много заводится разных административных дел, что происходит в стране.

Позднее Леша мне сказал: собирайте нужные вещи и не надо сегодня ночевать дома. Рассказал про обыски по адресам, где жила Саша. Тут я поняла, что это серьезное дело. Но даже тогда мы не знали, что Саше грозит уголовная статья.

Я ушла. Не ночевала дома. Долго бродила по городу. Я просто хотела идти, и мне было все равно куда. У меня в голове все это не укладывалось. Мне казалось, что этого просто не может быть со мной. Как я попала в такую ситуацию? Как Саша попала в такую ситуацию? Мы до последнего момента думали, что это будет административка. Саше выпишут штраф или арестуют на несколько суток. Я не могла представить такого ужаса на ближайшие полтора года.

Однако следственные органы квалифицировали поступок Александры как тяжкое преступление.

После моего допроса в следственном отделе ко мне пришло понимание, что в дочь прямо вцепились не на уровне этого следователя, который мне сказал: «Я здесь ничего не накапываю и ничего не нахожу, но я выполняю то, что мне спускают сверху, все распоряжения».

И Саше тоже сразу сказали, что это инициатива не местного уровня. Тогда у меня в голове щелкнуло, что дочь не отпустят.

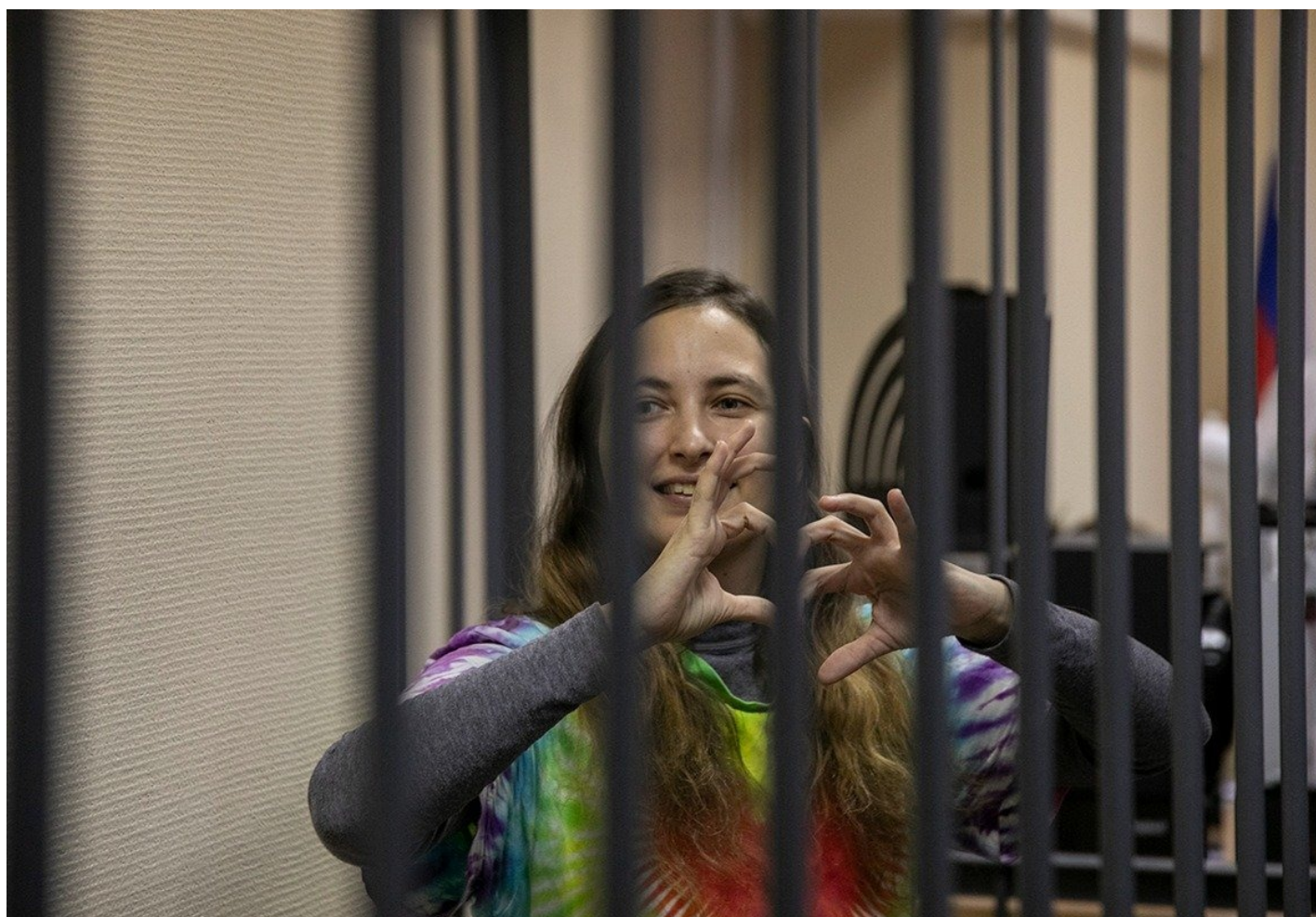
— **Стало страшно?**

— Самым страшным для меня стало то, что я поняла: Сашу в СИЗО не будут кормить по диете, это убьет ее. Дочь еще находилась в ИВС, ребята пошли к ней с передачей, но у них ее

не приняли.

Потом я сама стала названивать начальнику ИВС. В итоге кое-как нам разрешили передавать в изолятор безглютеновые продукты. Я очень надеялась: раз Саша с целиакией попадает в такую ситуацию, то все ее заболевания дадут ей возможность находиться под домашним арестом. Однако все наши потуги оказались бесполезны. Нам везде отвечали на все письма и жалобы: целиакии нет в списке заболеваний, с которыми отпускают под домашний арест.

Сейчас мы видим уже, что никого и ни с чем в России не отпускают.

Саша Скочиленко. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— **Вскоре после Сашиного ареста вы уехали из России...**

— Мы с семьей давно планировали, что я уеду во Францию — к старшей дочери и внукам. На момент ареста Саши у меня уже была виза. Мысль всё отменить, конечно, возникла. Но Леша меня спросил: вы хотите остаться в России? У вас сейчас изымут паспорт, все документы. И я себе представила: сейчас закроются границы. Дети потом все равно уедут каким-то образом, они — молодые и сильные, а я останусь в своей ужасной коммуналке, с ужасными соседями, лишусь здоровья и никогда не увижу ни детей, ни внуков. Останусь навсегда в этом ужасе. Я стала собираться, несмотря на арест Саши. Во-первых, из-за *****. Во-вторых, друзья Саши сказали, что мне надо уехать. Они опасались, что для следствия я могу стать рычагом давления на дочку. Заложником, из-за которого ее могут склонять сотрудничать со следствием, давать нужные показания и т.п.

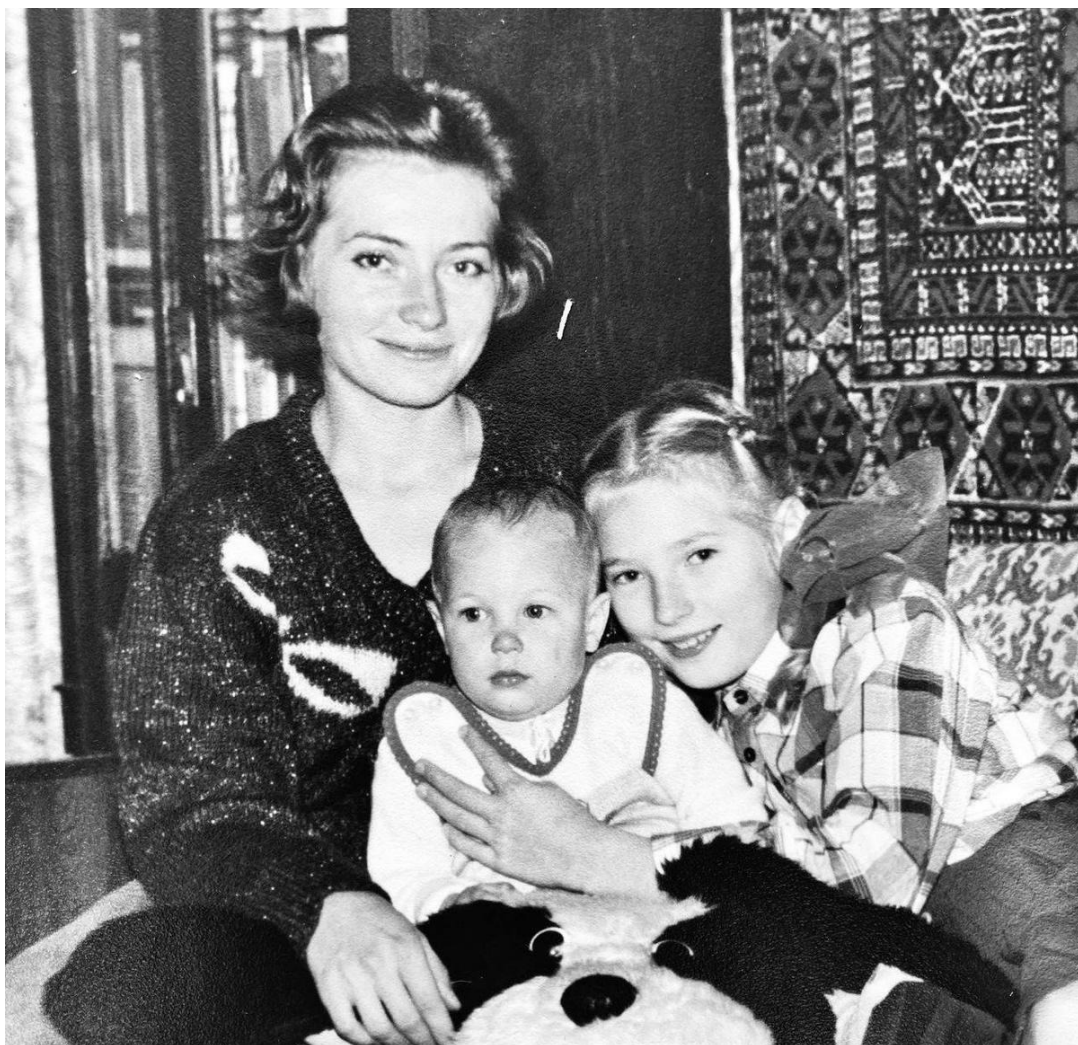
— **Арест, уголовная статья, ваш отъезд — все это эмоционально не могло подкосить Александру?**

— Дело Саши почти сразу получило огромный резонанс, а сама она — огромную поддержку. Даже на первые суды (по мере пресечения) сотни человек приходили ее поддержать. Когда дочь увидела столько людей, то даже расплакалась. Она не ожидала, что у нее будет такая поддержка. Это доказало, что она действительно права. Все на ее стороне. Для нее это было очень важно, дало силы. Саша бы так не улыбалась в своей клетке, если бы люди ее так не поддерживали.

Многие ребята из группы поддержки Саши пишут мне. Полтора года я переписываюсь с таким количеством людей, что мне часто ни на что другое не хватает времени.

Я очень благодарна всем, кто поддерживает дочку. Я временами боюсь, что у людей

исчерпается ресурс доброты, человеколюбия, сострадания. Но всякий раз убеждаюсь: нет места страху там, где есть любовь.

Надежда Скочиленко с дочками Сашей и Аней. Фото: семейный архив

— На последние заседания по делу стало приходиться все больше людей и все больше журналистов. Среди них и представители СМИ, которые поддерживают государственную политику. Как вы относитесь к тому, что об Александре будут узнавать из таких источников в соответствующем контексте?

— Пусть узнают из любых источников для начала, потом найдут и другие. Я верю, умные люди разберутся. Даже на этой неделе, перед приговором, новые подписчики присоединились к

телеграм-каналу Саши, впервые узнав о ее деле. Очень важно рассказывать о том, что происходит в России, любыми способами.

Я тоже сейчас больше стала говорить. Не отказываюсь от любой возможности выступить. Везде рассказываю не только о Саше, а обо всех политзаключенных в России, я слежу за их судьбами.

Глядя на Сашу, я говорю, что мы видим общую ситуацию в стране на примере одного человека — моей дочери. Но мы можем рассмотреть ее и на примере Навального. Но Навальный — политик, а Саша — девочка из дремучей коммуналки, обычный человек, просто творческий и противостоящий государственной системе.

И мы видим, насколько государство боится слов, песен, стихов: «маяковское дело», Беркович и Петрийчук... Творческие люди опасны для России: они отвлекают от телевизора, отвлекают от новостей и преподносят то, что происходит в России, совсем в другом ключе. Например, такими акциями, как Павел Крисевич, тоже творческий человек, но политизированный. Саша не была политизированной. Она просто старалась делать добро. Наверное, можно просто жить во время *****, делая вид, что ничего не происходит. Многие так живут, но это не для Саши.

— Наблюдая за судебным процессом, вы видели, что в последние месяцы судья Оксана Демяшева буквально пыталась Сашу: не позволяла сходить в туалет, попить воды, принять лекарства. Какие мысли и чувства у вас это

вызывает — отчаяния, злости, ненависти?

— Отчаяния, к счастью, у меня нет. Возможно потому, что есть поддержка людей. А злость часто бывает, но это хорошее чувство, оно движет нами, дает силы. К тому же злость кратковременна. Это такие минуты, когда мне кажется, что если бы у меня под рукой был телефон прокурора или судьи, то я бы сказала им всё, что думаю.

То, что за бумажки прокурор запросил Саше 8 лет, означает, что он либо сошел с ума, либо зависим от начальства. Может, ему пообещали что-то. Может, он провинился и должен системе.

Но прокурор — это обвинитель, его дело — обвинять, он выполняет свою работу. А дело судьи — судить по закону. Однако она становится едва ли ни матерью прокурора. То, что делает судья, не лезет ни в какие ворота. Мне не нужна ее человечность. Но исполняй законы.

Как должна по инструкции работать — так и работай. Почему ты с прокурором чуть ли не целуешься в процессе, а адвокатам отклоняешь все ходатайства? Судья нарушает законы прямо в суде и еще говорит, что это не цирк. При этом ходит в сопровождении конвоя. Что она хочет этим показать? Что она защищена этой властью?

Судья Оксана Демяшева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Судья вынесла приговор, не сильно отличающийся от того, что запросил прокурор. Как вы его восприняли?

— Я пока не могу воспринять приговор Саше как реальность. После того как я приехала во Францию, я будто расслоилась на несколько человек. Один — тут, в Париже, другой — в Петербурге, третий — с Сашей. Я не ощущаю реальности. Я не знаю, что это. Наверное, какой-то защитный режим во мне включился.

Завтра, может быть, я осознаю что-то. Сегодня эта точка жирная для меня не поставлена. Не случилось то, чего я боялась: что эта точка меня убьет. Она отодвинулась. Может быть потому, что я сама накануне стала ее двигать. Наверное, это меня держит. Я себе сказала: приговор — еще не конец. Я продолжила движение — заглянула в апелляцию, в кассацию...

Мы ведь не знаем, что там будет? А может, в апелляции или в кассации произойдет какое-то разумное чудо?

Еще я жду проверку из судейской коллегии, поскольку и адвокаты, и депутаты, и просто петербуржцы обращались туда по поводу нарушений, допущенных в судебном процессе Демяшевой.

У меня нет ощущения, что жизнь кончилась. Нет, не кончилась. Дальнейшая работа позволяет не впадать в отчаяние. Обретает смысл. Мы не смотрим, как человека отправляют в колонию, а продолжаем работать над тем, чтобы этого не случилось. Пока я не готова считать, что приговор — это какая-то точка. Пока я в режиме ожидания.

— Перед приговором в суде Александра прямо сказала: «Если вы меня отправите в тюрьму — я умру от голода». Вы как человек, который знает, что бывает с дочкой, когда она ест то, что ей нельзя, можете объяснить, что значит для Саши оказаться в том месте, где необходимого ей питания в принципе нет?

— При таком заболевании, как целиакия (*непереносимость глютена*. — Н. П.), у дочки уже сейчас испортился кишечник. Проще сказать — кишечник просто умирает. Когда умирает кишечник, человек теряет иммунитет. При Сашином заболевании одна пятая чайной ложки муки приводит к умиранию кишечника. И чтобы он восстановился, в мире нет никаких лекарств. Это — генетическое заболевание. У Саши нет гена, который расщепляет растительный белок, содержащийся практически во всех продуктах. Следы белка есть почти везде. А что дают в тюрьме? Макароны, овсянка, перловка, суп с лапшой. В СИЗО-5 для Саши хотя бы удалось наладить передачи.

Но глупо думать, что если человек полтора года питается всухомятку, то это хорошо. А в тюрьме не будет и этих продуктов, и ей придется... я даже не знаю...

— Голодать?

— Да, голодать. И Демяшева умышленно отправляет человека на...

— Смерть?

— Я не произношу это слово. К тому же у Саши еще и больное сердце.

ПОД ТЕКСТ

Российские врачи прямо сейчас подписывают [открытое письмо](#) на имя президента Владимира Путина, в котором подтверждают губительность тюремного режима для здоровья Александры Скочиленко и призывают к ее немедленному освобождению — «на фоне сообщений о массовом досрочном освобождении людей, совершивших тяжкие преступления». Под обращением уже более 100 подписей.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Она лишь призывала к миру»](#)

Обвинительный приговор Александре Скочиленко будет обжалован

12:54, 17 ноября 2023, Нина Петлянова

Ведающие, что творят

Моя личная апелляция на приговор Саши
Скочиленко

13:39, 18 ноября 2023, Борис Вишневский